

мемуары ребенка войны

Людмила Пожедаева

ВОЙНА БЛОКАДА Я и другие

Людмила Васильевна Пожедаева

Война, блокада, я и другие...

Мемуары ребенка войны

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48821178
Война, блокада, я и другие... Мемуары ребенка войны: КАРО;
ISBN 978-5-9925-1313-4*

Аннотация

Издание содержит адаптированный для детей дошкольного и младшего школьного возраста текст известной книги Людмилы Пожедаевой «Война, блокада, я и другие».

Школьница в 16 лет в душевном порыве написала мемуары о том, как в семилетнем возрасте оказалась в адском хаосе войны, в страхе и боли, в ужасе, голоде, холоде блокады Ленинграда, а затем в Сталинграде; написала о том, как война калечит тела и души побежденных и победителей.

В формате [b]a4.pdf[/b] сохранён «издательский.pdf»

Содержание

У войны не детское лицо	8
Сытость	14
Что знаю? Значу? Помню? Понимаю?	18
Война	21
Война	26
Встреча с войной	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Людмила Пожедаева
Война, блокада, я и
другие... Мемуары
ребенка войны**

Мила Анина
(Людмила Пожедаева)
1950 г.

Книга обжигает и потрясает... Горе и радость, мужество и трусость, верность и предательство, жизнь и смерть, голод, одиночество, жгучий холод были «блокадными»

ми подружками» маленькой девочки Милы...

Город и люди, живые и мертвые, 900 дней и ночей вопреки всему противостояли разрушению, голоду, смерти... И в этом аду самыми верными и самыми хрупкими солдатами были дети...

Она должна была погибнуть в той страшной бомбежке, ее должны были раздавить железные гусеницы прорвавшихся немецких танков, она должна была умереть еще много раз, потому что такого не может вынести даже взрослый и сильный человек. Но, наверное, души и судьбы маленьких, таких же, как она, девочек и мальчиков оставили ее жить, чтобы она могла нам сегодня рассказать о той страшной войне, которую вели блокадные дети, большие и маленькие, как могли... и часто без взрослых, закрывая и спасая своими худенькими, тщедушными тельцами нас, сегодняшних...

Эта книга – укор о забытом долге перед ними, детьми Ленинградской блокады, умершими, замерзшими, раздавленными фашистской танковой атакой, разорванными самолетной бомбежкой... И нам нужно этот долг отдать и живым, и мертвым...

Александр Конюшин, директор «ДОМА сотрудничества с ЮНЕСКО в Санкт-Петербурге и Ленинградской области»

У войны не детское лицо (Реквием)

*И отдали Отечеству
Не золото-серебро,
Единственное детство —
Все свое добро...*

(Борис Слуцкий)

*Здесь ребята умирали,
Их в могилу закопали,
Без гробов и без досок
Прямо в глину и песок.*

(Имярек)

Неправда, что «Никто не позабыт...»
Неправда, что «Ничто не позабыто...»
Мы не были солдатами войны,
Но детство наше на войне убито...

Ко мне, убитой, вы цветы несете...
Ко мне, живущей, — мачехой страна...
У Памяти, оглохшей от лукавства,
Давно забыты наши имена...

Так преклоните головы свои
Пред детскими погибшими полками...
Наш город к фронту отправлял детей,
Как будто сводок фронтовых не знали...

У войны не женское лицо
И тем более НЕ ДЕТСКОЕ! За что же?
Не играйте, взрослые, в войну!
Сколько нас война еще положит!

Сколько безымянных детских Душ
Вслед войне закопано в могилах!
Только Бог их знает имена,
Некогда веселых и игривых...

Чудом выжив, помню, как тогда
Танки нас утюжили в Демянске...
Погибали сверстники мои,
Землю нашу поделив по-братски...

Самолет в Лычкове разметал
Эшелон с Детьми из Ленинграда...
И опять могильный вырос холм...
Не стреляйте по птенцам, не надо!

Разнотравье почернело вмиг,
И огонь глотал живых и мертвых,
И из пекла рвался Детский крик,

Ужасом посмертно награжденных...

Но солдат, совсем еще мальчишка,
В сбившихся, расколотых очках,
Обгоревший, вынырнул из пекла
С девочкой спасенной на руках...

Нас спасали жители тех мест
И бойцы от немцев отбивали,
Раненых, измученных Детей
В Ленинград обратно отправляли...

Тех, навывлет, ран не залечить —
Вся война в историях болезни...
У ВОЙНЫ НЕ ДЕТСКОЕ ЛИЦО!
Хоть и гибли мы со всеми вместе...

На войне всегда как на войне...
Но когда закончится она,
Не зачтется нам и не простится
Взрослых безрассудная вина...

Умолчат трагедии Детей,
Вычеркнут из жизни эти даты
И сожгут за нами все мосты,
Доморощенные наши геростраты.

Детские **БЕССМЫСЛЕННЫЕ ЖЕРТВЫ!**
Сколько нас погибло ни за что!

Но везли Детей войне навстречу,
Хоть У ВОЙНЫ НЕ ДЕТСКОЕ ЛИЦО!

Тают журавлиные кресты,
Унося Детей погибших Души...
Крики их прощальные вдали
НА ДОРОГАХ ПАМЯТИ ВСЕ ГЛУШЕ...

А у тех, кто выжил и живет,
Тот июль, как пытка, бесконечен...
Память, опаленная войной,
Души обнаженные не лечит...

Июль 2002 г.

машет мне рукой и кричит: „Анна! Анна!“
Я спрыгиваю с забора и бегу к ней. Слышу за
какой-то недвоякой нарастающей звук и
взлетела на двор и потащила меня к
на горячей воздушной подушке. Написал
то ударно и повисло на травяном дворе.
телом, гулкою сдержанной воя коню. Сердце
со своей жеста, неслыханно в неслыханности
зу стало очень бодрю. Я вхожу в него и
падаю как мешок, словно у меня не стало
Витю как Нина Антоновна бежит по моему
толку к моему рукам и что-то прищип
кричит, но я не слышу. Она добывает до
хватывает, на руки и несет со мной к
я не понимаю, зачем же у меня тогда как
будто нестерпимый озуджен. Мне кажется,
я не ощущаю даже боли. Мою же не
мне в черепице, кажется чудеснейше поны
ять, почему у Нины Антоновны ей больно хан
плетает. крови. Она ищет меня к

Клянусь!

Говорить правду,

только правду,

ничего, кроме правды!

Сытость

Трудно сказать, что именно заставило меня оторваться от книги. Сильно толкнуло сердце. Меня качнуло от этого толчка, и я почувствовала, как что-то непонятное защемляет душу. И вдруг – вот оно... Чужой, монотонный голос рассказывает совершенно невероятные вещи. Прислушиваюсь, и мне становится тревожно и жутко. «Конечно плохо, когда есть хочется. Но и нам тогда не легче было, хоть и ели вдоволь. Картошку-то, бывало, почистишь, а очистки-то куда девать? Люди-то ведь как звери тогда были. И отдать нельзя, и выкинуть боязно – разорвут ведь, удушат... Чего только не придумывали, как избавиться от отходов...»

Встряхиваю головой. Уж не мерещится ли? Не наваждение ли? Нет! Все тот же голос спокойно продолжает рассказ о блокадной жизни... о том, как у них было все, что и до войны... что не было у них ни в чем нужды... Нет! Это невероятно! Этого не могло быть! Люди умирали от голода, а тут... от-хо-ды!

К горлу подступает удушье... стучит в висках... начинает бить дрожь... Я сама еще до сих пор не наелась... Я все время хочу есть. Я стараюсь не вспоминать ту страшную военную зиму 1941–1942 гг.

Встаю и на ватных ногах иду на голос. В кухне сидит мама и наша случайная гостя, которая и рассказывает эти стран-

ные вещи. Мама, с бледным лицом, как-то странно сглатывает воздух, словно давится. Но гостя этого не замечает...

Я не слышала начала разговора. Видимо, вспоминали войну, и то, что я слышала, потрясло меня, и понятие справедливости и несправедливости приобрело для меня страшные оттенки. Гостя даже не пыталась скрыть чувства превосходства и самодовольства. Человек не понимал того ужаса, когда одни не только ели, но и выбрасывали еду, а другие умирали от недостатка этой еды. Разве такое может быть? Может, она лжет?..

В конце концов мама не вынесла этой пресыщенной особы и выгнала ее. Отец рассердился, и они поссорились...

Война ужасно изменила их обоих и ничего не оставила от них довоенных. Мы с братом стали «лишние люди», лишняя доука, и поэтому мы как бы сами по себе. А мама очень больна. У нее совсем слабые легкие, и ее часто мучает жестокий кашель. И сердце у нее слабое. И у нее нет ни одного своего зуба после блокадной цинги. А ей всего 40 лет. Нас с братом она часто упрекает, что из-за нас остается голодной. А мы действительно живем на полуголодном пайке. Обед бывает редко. В основном кусочничество. Когда в доме бывает Красносельский батон и кусок «собачьей радости»¹ – это уже праздник. Брат покрепче, а у меня постоянно кружится голова, и я часто совсем неожиданно падаю. Врач говорит, что если так будет продолжаться и дальше, то меня

---

¹ «Собачья радость» – самая дешевая «докторская» колбаса.

снова освободят от экзаменов. Учусь я хорошо, но трудно: быстро устаю и не могу собрать мысли – они разбегаются в разные стороны, и мне не сосредоточиться. Все время мучительно хочется спать, спать, спать... В Военно-медицинской академии мне вырезали аппендицит, шов долго не срастается, расползается и гноится. Его снова чистят и снова шьют. От этого он стал очень широким и длинным. Распахали полживота. Меня давно уже выписали, но я постоянно езжу в город на перевязки и лечение. Врачи говорят, что это авитаминоз и что так же было у раненых в период блокады. Но блокады давно уже нет, а меня все дразнят «дохленькой»...

Сейчас лето 1950 г. Мне 16 лет.

Когда началась война, мне было неполных 7 лет... 7 лет мне исполнилось 28 июля 1941 г. И в первый же месяц войны я была изувечена... еще до дня рождения...

Что знаю? Значу? Помню? Понимаю?

Я медленно и тяжко воскресаю...
Я взвешиваю, словно Хлеб, свою судьбу...
Смотрю на мир тревожными глазами,
Во многом разобратся я хочу.

В несправедливости, порочности и злобе,
В жестокости и жадности людской,
И в том куске спасительного Хлеба,
И в смерти, что косила город мой...

Я ела Хлеб, и он спасал от смерти...
И враг ел Хлеб, и... убивал меня...
Мой Хлеб – и жизнь и смерть одновременно.
Так что на этом свете знаю я?

Что знаю? Значу? Помню? Понимаю?
Где грань предательства, и подвига, и лжи?
Мучительно, никак не понимаю,
Как предавали не чужие, а свои?

Кто продавал продукты на толкучке?
Кто Хлеб менял на разное барахло?
Где брал? Где крал? И кто же был ограблен?
Чьи жизни бессердечье унесло?

Я, к сожалению, многого не знаю...
И, к сожалению, много знаю я...
Пытаюсь все свести концы с концами...
Не получается... я с мыслями одна.

Но память не дает успокоенья
И возвращает «на круги своя».
Я помню, как Даниловна сказала:
«Молись, Бог милостив, не выдаст Он тебя...»

Я умирала медленно и тяжело,
И так же тяжело возвращаюсь в жизнь,
И книжным подвигам завидую напрасно —
Я верю бабушке, сказавшей мне: «Молись...»

Молилась ли? Конечно же, молилась...
Молила Хлеба, мира и тепла...
Молитв не зная, синими губами
Шептала, обращаясь в никуда...

Просила за подружку, за соседку,
За маму с папой: «Боже, сохрани...»
Что знала я, девчонка-малолетка,
О жизненных превратностях судьбы...

Мольбы мои, без хитрости и лести,
Голодный мозг заполнили собой...
И вера теплилась, и вторила надежде,
И согревала Душу добротой.

Война

Я с детским садом на даче в Сиверской. Дача стоит на высоком берегу реки Оредеж, и к ней спускается длинная деревянная лестница. Места дивные, и детская Душа моя живет восторгом этого прекрасного мира. Мне просто хорошо и спокойно, хотя тогда я этого объяснить не могла. Я просто жила и радовалась, как все дети кругом.

На участке нашей дачи совсем незнакомые люди роют окопы. Мы не знали, что это такое и зачем, и дружно решаем, что это нам делают для игры, и мы очень радуемся. Когда люди уходят, мы бегаем по этим извилистым лабиринтам. Там можно прятаться. Мы уверены, что там сделают деревянный пол, стены поклеют обоями или покрасят, а чтобы нас не мочил дождь, сделают крышу. А пока нас ругают, потому что мы там очень пачкаемся. Но окопы продолжают рыть, а мы продолжаем там играть.

Потом вдруг нас начинают стричь наголо. Девочки постарше плачут, сопротивляются. Но нас продолжают стричь. Я долго бегаю по даче, прячусь. Мне жаль моих косичек. За мной бегают воспитательница младшей группы Нина Антоновна. Мне всегда казалось, что она меня любит. И поэтому мне совсем не понятно, за что она хочет меня остричь. Я пытаюсь перелезть через забор и спрятаться под деревянной лестницей, ведущей к реке, но повисаю на платье и оказыва-

юсь в руках у Нины Антоновны. Она сжалилась надо мной и оставила мне челочку. А я все плакала и кричала, что мама теперь меня не узнает. Мама меня узнала и почему-то совсем не удивилась. Она приехала на дачу не в родительский день и сказала, что началась война и папу забрали на фронт. Я тогда ничего не поняла, но помню, что первый раз мама показала мне некрасивой. Она всегда была красивой, веселой, любила петь и играла на гитаре. А тут она была очень грустной. Лицо почему-то было серое, щеки провалились, и стали торчать скулы, которых у нее никогда не было. Потом приезжали и другие мамы, и все говорили – «война». И мы с упоением играли в свою войну – «убивали и ранили» друг друга, затем воскресали, наступали, отступали... Делали из травы и цветов разные «лекарства». Все хотели быть командирами и никто – фрицами. До хрипоты орали «Ура!» и «Хенде хох!», сдирали в кровь коленки, ползая по-пластунски. В общем, жили своей детской жизнью. И вдруг нас почему-то везут домой, в город, хотя лето только началось. Нам сказали, что нас повезут на другую дачу, вот только заедем домой и поедем дальше. Меня в городе никто не встретил. Я долго болталась по двору одна. Квартира была закрыта. Мама пришла с работы только вечером. Ей никто не сказал, что нас вывозят с дачи. На другой день началась какая-то непонятная суматоха. Меня фотографировали – одну и с мамой. Мама покупала мне много разных сладостей – шоколада, конфет, печенья, пирожных... Она пришивала к моим вещам лоскутки с моей

фамилией и именем, с адресом и еще какими-то данными. К пальто, кофтам и другим вещам пришивала кармашки и в них вкладывала маленькие фотокарточки – свою, мою, папы и братика – и записки с нашим домашним адресом, на случай если я вдруг потеряюсь. А я никак не могла понять, почему я должна теряться – ведь я уже совсем большая, мне скоро будет семь лет.

...О братике я думала, что он на даче, но мама сказала, что он с яслями тоже поехал на новую дачу... Он вернется в нашу семью только в 1947 г.

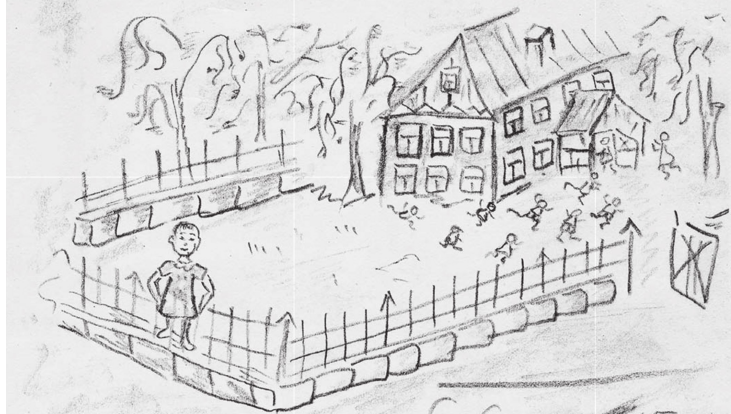
И вот нас снова сажают в поезд. Вагоны показались чудными, и их почему-то называют «телячьими». Мама нас тискают, плачут, все кричат, толчея, суета, теснота... Мы прощаемся, и я снова не понимаю, почему все мамы плачут, ведь мы едем на новую дачу и в родительский день все они к нам приедут...

А пока я сижу вместе с другими детьми на нарах, где-то под потолком вагона, потому что в этом вагоне нет ни длинного коридора, ни уборной, ни спальных полок, а всего двухэтажные нары в разных концах вагона. Это очень интересно. Через плечо у меня висит тряпочная сумка, а в ней аж пять плиток шоколада в очень красивых обертках. Они не дают мне покоя. Я достаю их по очереди, и мы тут же их съедаем все сразу. Жарко. Душно. Шоколад тает и липнет к рукам. Нам нравится, что мы все перемазаны, что радостно стучат колеса, эта широкая, необычная полка, и впереди новая дача

и длинное-длинное лето...

О войне мы ничего не знаем толком, а потому нам совсем не страшно, а даже весело от необычности обстановки...

Война

Война обрушилась неожиданно...
И, подхватив, несла с собой...
И танки с черными крестами
Уже гремели за спиной...

Земля взметнулась на дыбы...
Меня куда-то вдруг швырнуло,
И я от страха, боли, слез
К земле, как к матери, прильнула.

Кому пожелаюсь теперь
Я этой памятью больною,
Когда шарахнуло меня
Безжалостно взрывной волною...

Когда летела кувырком,
Не понимая, что случилось...
Меня пометила война —
Вот так судьба распорядилась...

С войной слепою и жестокой
Я бок о бок теперь пойду...
Четыре очень долгих года
Свой Крест недетский понесу...

А впереди грядет блокада...
Голодный, стылый Ленинград,
И умирающим не нужен
На Красной площади парад.

Нас ждут жестокие потери
И разрушения Души,
А встреча первая с войною —
Лишь пробный камушек войны...

Когда охотиться за мною
Немецкий будет самолет,
То захлестнет волною страха
И сердце шлепнется в живот...

Потом я с голода и стужи
Тихонько буду умирать...
Еще ужасные виденья
Мне будут душу потрясать...

И крысы бабушку обгложат...
И кем-то съедено дитя...
Но ведь такого быть не может!
Все это пережить нельзя!

Все пронесут военный Крест...
Все-все, от мала до велика...
И не услышат среди бед
Детей беспомощного крика...

Но войны жалости не знают,
Война не ведает добро.
Шел по земле жестокий молох,
Не разбирая ничего...

Встреча с войной

Не знаю... Не помню... Лучково или Лычково. Демьянск или Демянск... Нам еще раньше говорили, что нас повезут на новую дачу, которая называлась «тыл». Но ни Демянск, ни Лычково не были похожи на дачу...

Живем мы в двухэтажном каменном доме на первом этаже. Спим все вместе вповалку, на расстеленных на полу матрасах. На втором этаже живут военные. Говорили, что на нашей крыше стоит пушка – сбивать немецкие самолеты. Нам ее не видно, хотя посмотреть очень хочется. Днем гуляем в маленьком дворике, огороженном деревянным заборчиком. Нам все интересно. Кругом много военных. Мы пристаем к ним с вопросами и везде суем свои носы. Мы – это детский сад Кировского района Ленинграда. И ведем себя соответственно нашему возрасту. За заборчиком, через дорогу, речка. Перед сном нас водят туда мыть ноги, а днем мы украдкой бегаем туда сами, и нам за это попадает от воспитателей. После ужина желающие усаживаются на крылечке, и нам читают или рассказывают сказки. Так мы живем.

Однажды случилось страшное. Неожиданно началась стрельба, на которую мы не обратили особого внимания. А в небе с ревом появились самолеты. Мы, задрав головы, глядели на них и, показывая пальцами, прыгали и визжали от восторга. А день был жаркий, солнечный, и небо чистое-чи-

стое, голубое-голубое. И самолеты! Мы, наверное, тогда так и не поняли – наши или нет. И не знали мы, что это был наш последний восторг, а до трагедии оставались секунды...

На улице поднялась суматоха. Поднимая невероятную пыль, громыхали телеги, носились жители и военные. Улица то пустела, то снова заполнялась людьми. Все что-то кричали, вопили, и был слышен истощенный мат и громовое «Танки! Танки!». Мы, не зная, что такое «всамделишная» война, бросаемся к забору и глазеем, как взрослые играют в свою взрослую войну. Кругом что-то грохочет, стрекочет, ухает... В промежуток между грохотом слышала, что меня зовут. Оглядываюсь и вижу, как последние дети вбегают на крылечко и в дом, а Нина Антоновна машет мне рукой и кричит: «Мила! Милочка!» Я спрыгиваю с забора и бегу к ней. Слышу за спиной какой-то незнакомый нарастающий звук, и земля взметнулась на дыбы и потащила меня кувырком на горячей воздушной подушке. Кажется, обо что-то ударило и поволокло по гравию двора голым телом, чулком сдирая всю кожу. На меня что-то падало и больно молотило по всему телу, засыпая всякой всячиной. Дым и земля лезли в рот, в нос и глаза... Давило уши, ужасно шумело в голове... Сердце сорвалось со своего места, шлепнулось в живот, и там сразу стало очень холодно. Я вскакиваю и сразу падаю как мешок, словно у меня не стало костей. Вижу, как Нина Антоновна бежит ко мне с прижатыми к лицу руками и что-то кричит, кричит, кричит, но я не слышу. Она добегает до меня, хва-

тает на руки и бежит со мной к дому. Я не помню, были ли у меня тогда какие-нибудь мысли или ощущения. Мне кажется, что я не ощущала даже боли. Мысли еле-еле ворочались в черепушке. Кажется, я мучительно пыталась понять, почему у Нины Антоновны на ее белом халате пятна крови. Она прижимает меня к себе и бежит, бежит, и мне кажется, очень медленно и очень долго. Лицо мое повернуто к забору, где я только что стояла, – и на том месте огромная яма. Ни забора, ни дерева – ничего! Пусто! Дыра! На крыльце уже никого нет, все дети в доме. Мы успеваем преодолеть крыльцо, как снова взрыв, и Н. А. падает вместе со мной, но уже в коридоре. Я как тряпочная кукла в ее руках – немая, глухая, с обвислыми руками и ногами. Меня кладут на матрас возле двери... Странно, вроде у меня ничего не болело, кроме шума в голове, – и вдруг заболело все сразу. У меня разламывается голова, меня тошнит и рвет, жгучая боль в спине и необъяснимая боль в руках и ногах, которые очень туго перевязаны, мне трудно дышать. Наступает запоздалый испуг, и я начинаю плакать. Мне хочется к кому-нибудь прижаться, пожаловаться, как мне больно, хочу, чтобы меня погладили по головке. Но кругом переполох, орут, визжат и плачут абсолютно все дети, а нас много и руки до всех не доходят. Сколько все это продолжалось – не знаю. Теперь уже я не помню, откуда у меня эти знания, что танки прорвались там, где их совсем не ждали. Среди детей было много убитых и раненых. Нашим бойцам удалось оттеснить врага, и нам по-

могли выбраться из Демянска...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.